

П.Л. Белков

ГАВАЙСКИЕ КРУГЛЫЕ НАКИДКИ ИЗ КУКОВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ МАЭ (ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)

В одном из предыдущих сборников, изданных по материалам Радловских чтений, мне уже приходилось рассматривать проблему истолкования статьи 31 описи Бема, говорящей о «трех зефирах из красных и желтых перьев», и, в частности, указывать на то, что ее прочтение, предложенное Л.А. Ивановой («три девичьих головных украшения», т.е. перьевые гирлянды леи), совершенно безосновательно именно с точки зрения словаря Ф. Гелтергофа 1778 г., ибо в этом словаре, конечно, при непредвзятом переводе с немецкого и латыни, под русским именем «зефир» может скрываться только платок, *женский* (sic!) головной убор, используемый русскими женщинами в качестве шали как украшения [Белков 2006: 62-63]. Действительно, было бы очень странно, если бы в словаре отсутствовал самый распространенный предмет женского убранства, а вместо него указывалось «девичье головное украшение» в виде венка.

Впрочем, концепция Л.А. Ивановой изначально строится не на злосчастном переводе соответствующей статьи словаря Ф. Гелтергофа. Этот перевод есть всего лишь следствие заранее существовавшего убеждения в том, что «зефиры» Бема по определению не могут являться накидками. По мнению Л.А. Ивановой, однородные — добавим, в глазах М. Бема как составителя списка — предметы и именоваться должны были одинаково. Во всяком случае, несомненно, что при обозначении других предметов этот принцип в описи Бема неукоснительно соблюдается. Как известно, помимо круглых накидок (505-17, 505-18, 505-19), принадлежность которых к куковской («бемовской») коллекции оспаривается Л.А. Ивановой, в МАЭ хранятся две гавайские трапециевидные накидки (505-9 и 505-12), отождествляемые с двумя «ментеями» из описи Бема (14 и 19). «Возникает вопрос, — пишет Л.А. Иванова, — почему предметы в сущности одного класса названы в описи Бема в двух случаях “ментеями”, а в трех других “зефирами”? Удовлетворительный ответа мне не удалось найти ни в современных словарях русского языка, ни в словарях двух предыдущих веков. Быть может, основанием для трактовки “зефира” как накидки послужил англо-русский словарь конца XIX в., в котором “зефир” в последнем значении — это “накидка, легкая шаль”. Но подобная трактовка “зефиров” Описи Бема сомнительна и не отвечает на сформулированный выше вопрос о разном наиме-

новании вещей одного класса» [Иванова 2005: 139]. Собственно говоря, ради этого Л.А. Ивановой и были предприняты поистине титанические усилия по превращению «женского головного убора» из словаря Ф. Гелтергофа в «девичье» (!!) головное украшение.

В целях трактовки «зефиры» из описи Бема именно как гавайских леи Л.А. Иванова направляет свое внимание на поиски в старинных коллекциях МАЭ реальных предметов этого типа. Это был вполне оправданный шаг в том плане, что достоверно известно, что в первой четверти XIX в. из русских кругосветных плаваний или каким-либо другим путем подобные гавайские предметы не поступали. Ссылаясь на свою публикацию 1999 г., она подчеркивает, что в известных ей списках океанийских вещей из XIX в. леи не числятся и опись Бема остается единственным документом, где леи фигурируют под названием «зефиры» [Там же: 142].

Следовательно, сам факт находки хотя бы одного такого предмета подтвердил бы гипотезу, отождествляющую «зефиры» Бема с гавайскими леи. Л.А. Иванова примерно так и рассуждает: По ее словам, возвращаясь к предлагаемой в словаре Ф. Гелтергофа трактовке «зефира» как девичьего головного украшения было желательно подтвердить ее реальными экспонатами и МАЭ, а поскольку «по ряду причин» поиски в фондах отдела Австралии и Океании были бесперспективными, «имело смысл» обратиться в фонды отдела Америки, «составлявшего на протяжении многих десятилетий вместе с отделом Океании единый сектор» [Там же: 140]. В связи с этим она пишет: «В апреле 1998 г. я изложила [хранителю фондов Америки] Л.П. Лисенко гипотезу о зефирах-леи, показала их изображения в каталоге А. Кепплер и попросила поискать похожие вещи среди тех, что она не признает “своими”, американскими. Уже на следующий день я получила целый лоток с такими перьевыми изделиями. Среди них находилась по крайней мере одна бесспорная гавайская леи!» [Там же]. Видимо, исходя из восклицания о «бесспорности» происхождения упомянутого предмета под заголовком «Женское перьевое украшение (lei) № 765-18» определяется место изготовления — Гавайские острова [Там же: 141]. Общих указаний на материал — растительные волокна, перья — и форму явно недостаточно. Волокна какого растения или растений? Перья каких птиц? В данном случае ответ на эти вопросы имеет решающее значение, так как, позволю себе напомнить, по рассказу Л.А. Ивановой, перед ней был выложен целый ряд такого рода перьевых вещей, в отношении которых Л.П. Лисенко не была вполне уверена, что они американские (т.е. южноамериканские). Кроме того, проводить экспертный анализ перьевых вещей, пользуясь фотографиями предметов из каталога А.Л. Кепплер 1978 г., а то и просто репродукциями старинными гравюр, по меньшей мере, весьма затруднительно.

Излишняя поспешность Л.А. Ивановой в атрибуции предмета № 765–18 свидетельствует о том, что сама идея похода в фонды Америки за океанийскими вещами была выношена не совсем самостоятельно. Это видится прежде всего в не до конца продуманной форме обоснования. Тот факт, что в

советскую эпоху в течение какого-то времени отделы (сектора) Америки и Океании были объединены, не имеет никакого значения при возникновении подозрений по поводу возможных находок океанийских вещей в фондах Америки. Океанийские и американские коллекции были разделены еще в конце XIX — начале XX в., и изменения структуры научных отделов уже не могли повлиять на состав коллекций. Скорее, поиск океанийских вещей в фондах Америки (или в других фондах МАЭ) можно аргументировать смешанным составом ранних поступлений и возможными ошибками, которые, несомненно, допускались при создании современных коллекций по копенгагенской системе. Вместе с тем осенью 1997 г. в океанийских фондах МАЭ работала известная американская исследовательница А.Л. Кепплер, ведущий эксперт по материальной культуре Полинезии. По-видимому, имея некоторое представление о смешанном характере ранних поступлений МАЭ, она осматривала также фонды Америки. В частности, в той же 765-й коллекции она выделила старинную тонганскую флейту № 765-51, которую позже удалось соотнести с описью Бема, т.е. куковской коллекцией, поступившей в Кунсткамеру в 1780 г. К той же коллекции относится и старинное каменное тесло № 765-61, атрибутированное как таитянское во времена первой регистрации К.К. Гильзенем.

В конечном счете, пользуясь этими двумя прецедентами и только ими, Л.А. Иванова как бы по аналогии настаивает на «бесспорно гавайском происхождении» предмета № 765-18, а заодно и других бразильских перьевых украшений в виде гирлянды, основываясь на своей некомпетентности. Как она пишет, у нее «нет уверенности в том, что остальные перьевые браслеты, отобранные Л.П. Лисенко, не являются неизвестными мне разновидностями гавайских леи» [Там же: 142]. Следуя такому методу атрибуции вещей (если два предмета в «официально» бразильской коллекции № 765 являются не бразильскими, то таковыми можно считать и остальные предметы), Л.А. Иванова позволяет себе не обращать внимания на пометки в старой описи коллекции № 765. Например, «765-20, 18, 15, 23 браслеты из красных перьев и две (красн. и зел.) диадемы из стриженных перьев — не часть ли костюма царя, поступившего от Barbosa de Silva. G» [Там же: 141]. Может быть, для начала следовало бы изучить соответствующие этим пометкам документы, хранящиеся в архиве Академии наук?

В конечном счете, Л.А. Иванова все-таки признает: через шесть лет после публикации 1999 г. «аргументы о принадлежности экспоната № 765-18 к куковской коллекции остаются косвенными, и мне нечего к ним добавлять» [Там же: 142].

Между тем спорный характер куковского происхождения данного предмета (его отождествление с гавайской леи у московской исследовательницы не вызывает ни малейших сомнений) в работах Л.А.Ивановой удивительным образом оборачивается в бесспорность непринадлежности к куковским сборам трех круглых накидок, о которых речь шла выше. Это наводит на

мысль, что уверенность Л.А. Ивановой в этом вопросе подкрепляется, если так можно выразиться, неким «высшим» мнением.

В качестве носителя этого мнения в работах Л.А. Ивановой выступает (по каким-то причинам негласно) А.Л. Кепплер. Еще в 1983 г. она опубликовала статью, в которой полностью пересмотрела свое отношение к трем круглым накидкам из МАЭ, по ее собственному признанию, всегда составлявшим для нее «проблему» (вероятно, в связи с уникальностью трех петербургских накидок). Как можно понять, с идеей их принадлежности к собраниям Кука и традиционной гавайской культуре в целом ее заставляло согласиться лишь убеждение в том, что их куковское происхождение документировано [Каерплер 1983: 95]. Прозрение наступило в момент ознакомления со статьей Я.М. Света и С.Г. Федоровой 1978 г., где впервые на (английском языке) была опубликована опись Бема. В частности, статья 31 в английском переводе имела следующий вид: «Three zephyrs [fans] of red and yellow feathers» [Svet, Fedorova 1978: 18]. А.Л. Кепплер выдвигает гипотезу, что три «зефира» являются гавайскими леи («вееры» = «не накидки?»), и тотчас вычеркивает класс круглых накидок из доконтактной гавайской культуры как результат постконтактного развития. Она пишет, что с этого момента уже нет нужды в гипотезе, согласно которой трапециевидные перьевые накидки имели функцию военной одежды, тогда как круглые имели значение сугубо ритуальное [Каерплер 1983: 95]. отождествляя бемовские «зефиры» с гавайскими леи, она ссылается на некие «свои расчеты», но не показывает, в чем они состоят [Каерплер 1983: 93].

Существенным добавлением к аргументам А.Л. Кепплер могло бы быть утверждение Л.А. Ивановой о том, что две круглые накидки из 505-й коллекции поступили в Кунсткамеру в 1828 г. из музеума Адмиралтейского департамента. В данном случае она опирается на мнение Ф.К. Руссова, изложенное в работе 1900 г.: «два желто-красных воротника из Морского музея» [Russow 1900: 29-30; Иванова 2005: 139]. Заключение Ф.К. Руссова нельзя обосновать иначе, как справившись с «Ведомостью редкостям, отданным из музеума бывшего Государственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую Академию Наук» [МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 1. № 16 / 1, 2, 3]. В разделе «Сандвичевы острова» ведомости значится: «Пелеринок из перьев две». Казалось бы, речь совершенно определенно идет о перьевых гавайских накидках круглого типа. Однако такой вывод далеко не очевиден. В ведомости под шапкой «Сандвичевы острова» совсем немного предметов, действительно относящихся к гавайской культуре. Под «пелеринками из перьев» вполне могут скрываться эскимосские парки в виде так называемых николаевских плащей, или плащей с пелериной, тем более что такие одеяния из полос, сделанных из кишок морских животных, по швам декорировались птичьими перьями. Подобные виды старинной одежды есть в фондах Америки. Кроме того, по документам РГА ВМФ известно, что в 1806 г. от П.В. Повалишина и Ю.Ф. Лисянского поступили «одежды диких зделанные из птичьей кожи две» и «платье из птичей шкуры зделанное одно»

[РГА ВМФ. 215.1.762, л. 2, 4]. Один из этих предметов в 1827 г. под именем «парки из перьев или птичих шкур» был передан в музей Морского Кадетского корпуса [РГА ВМФ. 215.1.772, л. 3-4]. Следовательно, на момент передачи коллекций из музея Адмиралтейского департамента в Академию наук в первом оставались только два таких предмета, что совпадает с числом «пелеринок», указанных в «Ведомости редкостям...».

Таким образом, на руках А.Л. Кепплер и Л.А. Ивановой в сущности нет ни одного твердого факта, опровергающего отождествление трех «зефиров» из описи Бема с круглыми накидками. В этой ситуации следует сделать самый простой и естественный вывод: слово «зефир» («zephyr») применительно к накидкам М. Бем как составитель оригинального списка услышал из уст английских моряков, и именно в английских словарях необходимо искать значение этого слова как части одежды английских женщин («накидки, легкой шали»). Это и есть пожалуй, единственно верный ответ на вопрос, почему предметы «в сущности одного класса» названы в описи Бема в двух случаях «ментеями», а в трех других — «зефирами». Круглые перьевые накидки входили в основной корпус древней гавайской культуры, но в отличие от трапециевидных накидок были деталью женской одежды. Примечательно, что круглая накидка, хранящаяся в настоящее время в Британском музее и происходящая из личного собрания О. Коцебу, была подарена русскому мореплавателю женщиной, королевой Намаханой [Ноопер 2006: 85]. При желании в литературе можно найти и другие свидетельства, говорящие о причастности круглых накидок именно к женской сфере культуры гавайцев. В заключение можно лишь заметить, что последнее слово в доказательстве идентичности гавайских круглых накидок из Петербурга остается за анализом семантики предметов этого рода, но это тема для отдельного исследования.

Библиография

Белков П.Л. Гавайские круглые накидки в коллекции МАЭ РАН и проблемы музейного источниковедения // Радловские чтения 2006: Тез. докл. СПб., 2006. С. 59-65.

Иванова Л.А. Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры. М., 2005.

Nooper S. Pacific Encounters. Art and Divinity in Polynesia 1760-1860. L., 2006.

Kaeppler A.L. A further Note on the Cook Voyage Collection in Leningrad // Journal of the Polynesian Society. 1983. No. 92. P. 93-98.

Svet Y.M., Fedorova S.G. Captain Cook and the Russians // Pacific Studies. 1978. Vol. II. No. 1. P. 1-19.

Russow Fr. Beitrage zur Geschichte der Ethnographischen und Anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg // Сб. МАЭ. Т. I. СПб., 1900.